

Эмир Ашшурский

ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ И НАХОДКАХ

ПРОБЛЕМЫ

ОТВЕТЫ

на 100 страницах - обо всем

вопросы

РЕШЕНИЯ

на 100 страницах - обо всем

КИЕВ
1997

Эмир Ашшурский

**ФИЛОСОФИЯ
В ПОИСКАХ И НАХОДКАХ**

(Текущая непрерывно обновляемая

электронная версия

печатного издания 1997 года)

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Какие конкретные параллели можно провести между закономерностями функционирования целостных многоклеточных организмов и первичных монад?

В самом факте реально существующего сегодня феномена жизни наиболее поразительными для науки обстоятельствами являются онтогенетическая автономность и постепенное усложнение этой жизненной субстанции по ходу филогенеза. Причем современные исследователи в данной связи всё обычно спихивают либо на пресловутый "антропный принцип", либо на изначально присущее всем формам жизни неуклонное стремление к прогрессу и поискам нового, либо же, наконец, на некую поддержку извне. Однако нетрудно, в общем-то, убедиться, что при любом раскладе самым адекватным объяснением выглядит в этом перечне именно вторая версия. Да и, кроме того, наличие стремления к новому (если апеллировать при этом хотя бы даже к индивидуальным человеческим инстинктам) непосредственно подтверждается и всем ходом исторического развития нашей земной цивилизации.

Что же касается целенаправленного внешнего влияния, то главная загвоздка состоит здесь в том, что оно должно быть постоянным. Иначе говоря, того единственного первичного толчка, после которого, как считают некоторые теологи, всё уже дальше пошло-поехало по своему собственному сценарию и разумению, в этой ситуации (т.е. без учета п.2) явно недостаточно. И практически, как дикая капуста /"молодило"/ привыкла размножаться с помощью падающих на нее массивных шишек, точно так же и родоначальники многоклеточных организмов - нуклеиновые кислоты - никак не могут обойтись

без обязательного ежесекундного присутствия возле себя высокомолекулярных белков-ферментов.

Однако что же это все-таки за таинственные силы, которые заставили столь разношерстные структурные образования навек соединиться вместе? Если подходить к решению данной проблемы с естественнонаучных позиций, т.е. без привлечения всяких посторонних сущностей, то ответ здесь, пожалуй, может быть лишь один, а именно: подобная труднообъяснимая органическая тяга друг к другу запрограммирована уже в самом фундаменте материального бытия! Иными словами, первородные монады обладают строго определенными качественными характеристиками, которые на дальнейших ступеньках эволюционного восхождения подвергаются разве что лишь кое-каким узконаправленным модификациям – при полном доминировании (а подчас, кстати, и потенцировании) а priori заданных монадных свойств.

Но кроме всего прочего, здесь непременно также следует учитывать и то, что именно механизм самоподдержания является на сегодня, бесспорно, наиболее значимым для науки феноменом. Ведь если уж до конца тут разобраться, отнюдь даже не все биологи признают филогенетический прогресс за реально действующую в природе силу. Ибо и в самом деле каких-то весомых доказательств постепенного усовершенствования живущих вокруг нас видов пока ещё не существует. Но в любом случае те или иные эффективные алгоритмы самоусложнения при желании всегда можно смоделировать, - что, в свою очередь, отодвигает этот заведомо облигатный критерий как бы на второй уже план по сравнению с рассмотренной нами выше глобальной философской проблемой автономного поддержания отдельных жизненных циклов.

Какие структуры наиболее логично было бы идентифицировать в качестве эволюционных аналогов кварка на ближайшем к нему уровне иерархической системной организации?

Независимо от того, как строились новые системы - по готовым виртуальным клише или же путём самого обычного накопления (нанизывания) зрелых субъединиц, - достаточно четко сейчас уже просматривается структурная схожесть между кварком и мононуклеотидом. Откуда, в частности, следует два вывода:

- 1) Нуклоны не могут представлять собой непосредственный продукт (или же быть прямым результатом) объединения кварков: между ними наверняка есть также и некое связующее звено.
- 2) Еще раз воочию подтверждается ведущая волевая роль аминогруппы как у пептидов, так и применительно к нуклеиновым кислотам (о чем ранее мы уже здесь упоминали в контексте феномена долговременной памяти).

Ибо сами по себе кольца - пусть даже и гетероциклические - не способны к активным созидательным действиям. В этом, кстати, наглядно можно убедиться, изучая образ жизни прокариот или разного рода равноправных религиозных общин и сект: все они умеют хорошо лишь поглощать трансцендентальную энергию, но отнюдь не использовать ее по назначению. Так что в любой мононуклеотидной паре с аденин-тиминным основанием доминирующую роль заведомо будет играть адениновая половинка. Да и в парах гуанин-цитозин функциональный приоритет также будет, по-видимому, на стороне первого из приведенных оснований.

Возможно ли каким-то образом по справедливости разрешить извечный принципиальный спор между фидеистами и рационалистами /сциентистами/?

В наше время для того, чтобы искренне считать себя рационалистом, надо иметь большое гражданское, да и, кроме того, моральное мужество. Фидеизм же, по сути, ни к чему не обязывает. Здесь надо отметить, что в данном случае речь идет не столько о методологической позиции Канта, (рассматривавшего, как известно, затронутую нами проблему в несколько иной плоскости), сколько о нынешних капитулянтских веяниях среди значительной части прогрессивных ученых-естественников Запада.

Можно ли так же, как и в предыдущем случае, объективно рассудить сторонников эволюционного направления в современной биологии и адептов креационизма?

Любые креационистские течения разумней всего было бы дифференцировать по трём категориям:

1) Естественнонаучное (куда, по-видимому, можно отнести и гипотетическую панспермию). Основной его тезис заключается в том, что все виды или по крайней мере их генные субстраты, были изначально созданы и привнесены в земную культуру неким творцом извне, после чего уже в наших условиях сами смогли (если была, конечно, на то такая необходимость) вволю неограниченно себе эволюционировать.

2) Религиозное.

3) Философское (находится как бы на пересечении первых двух). Сюда, в частности, примыкает и небезызвестная шарденовская трактовка бытия. Ведь заселение Земли уже готовыми и полностью сформированными биологическими видами возможно себе представить лишь в том случае, если они были спроектированы на уровне вселенской ноосферы. Ну и, помимо всего прочего, понятие философского креационизма включает в себя и множество запредельных для нашего разума априорных построений, связанных, например, с принятием концепции глубинной неисчерпаемости материи.

Правы ли те из современных философов, которые преподносят факт существования компьютерных вирусов в качестве прямого подтверждения наличия в окружающей нас действительности так называемых параллельных миров?

Компьютерные вирусы имеют к параллельным мирам такое же примерно отношение, как, в сущности, и сменяющие одна другую научные парадигмы Куна или, скажем, "саморазвивающаяся" стоимость в трактовке Маркса, - все это суть порождения все той же достаточно банальной для нас материи. Правда, применительно к обеим приведенным выше аналогиям корректней все-таки говорить о сугубо атрибутивной ипостаси развития того или иного материального субъекта, тогда как в случае компьютерных вирусов мы уже переносимся в несколько иную плоскость, которую условно можно назвать предикативной. Что ж до кое-каких вполне очевидных нестыковок на этой почве, то они могут иногда возникать у отдельных ученых в результате неправомерного искусственного противопоставления материи и энергии /с одной стороны/ - информации. Между тем, исследуя процессы образования мощных океанических течений и вихрей, большинство естественников в той или иной степени начали склоняться к мысли, что как качественные, так и сугубо цифровые показатели информационных и энергетических характеристик способны подчас опосредованно зависеть друг от друга.

Можно ли говорить о философских аспектах педагогики, экономики, медицины как методологической основе этих, казалось бы, далеких от мировоззренческой проблематики наук?

Осмысление целесообразности изучаемого должно предшествовать разработке конкретных путей изучения и внедрения в жизнь тех или иных концепций. Философия педагогики, к примеру, должна отвечать на кардинальный вопрос: «Для чего или, соответственно, для кого учить в каждом конкретном случае: для общества или для самого себя?» Отсюда уже следует все остальное: как учить, чему учить и т.д. Кстати, истинная педагогика – это наука о

воспитании, самовоспитании, психотерапевтическом воздействии и обучении не ребенка, а человека вообще.

Философия же экономики, в свою очередь, призвана обосновать, а где-то, возможно, и завуалировать заведомо эгоистические устремления собственника, то есть по большому счёту это хоть и не очевидное, но всё же очень грамотно состряпанное фарисействование. Впрочем, в отдаленной перспективе такая не весьма приглядная ситуация должна, конечно, измениться к лучшему; тем более что и сама мировая экономика будет тогда уж наверняка подчиняться требованиям всего планетарного человечества, а не каких-то отдельных зацикленных лишь на своей прибыли толстосумов. Хотя для спасения столь безжалостно эксплуатируемой нынче природной среды времени, увы, всё равно уже не останется...

Ну а что касается медицины, то основополагающий для нее принцип «Не навреди!» обязательно должен учитывать также и веру многих пациентов в реальность потусторонней жизни. Прежде всего это относится к самим методам лечения (особенно нейрохирургическим и кое-каким нетрадиционным). Но, кроме того, каждый лечащий врач должен, естественно, знать, хочет ли вообще его пациент перейти в мир иной или же предпочитает раствориться в небытии, - и в соответствии с этим сделать всё возможное, чтобы выполнить его последнюю волю.

Насколько прочен на данный момент эмпирический фундамент у старого ньютоновского закона, объединяющего все материальные тела при помощи сил притяжения?

Безынерционность замысловатых виражей в исполнении НЛО заставляет нас – и в первую очередь это касается, конечно же, специалистов, исследующих причины ускоренного разбегания Вселенной – пересмотреть основные теоретические постулаты, связанные с адекватной трактовкой самой сущности гравитации. Во всяком случае, подобный опосредованный подход выглядит тут всё же более разумным, чем пытаться эти очень уж необычные, прямо-таки

захватывающие дух полеты объяснять с явно уже устаревшей (причем не только для механики) ортодоксальной ньютоновской точки зрения. И здесь как раз неоценимую помощь может оказать сугубо информационный взгляд на природу взаимодействий. Тем более что, например, совсем недавно австралийскими учеными из Пертского университета наряду с фактором притяжения экспериментально было выявлено и наличие антагонистичных ему сил отталкивания; а белорусский физик Леонид Анистратенко вообще всю свою самостоятельную науку ухитряется каким-то образом выстраивать (хотя, правда, пока еще с переменным успехом) на одном лишь отталкивании. Причем, как легко заметить, вся эта зыбкая многоликость версий и суждений вполне может быть обусловлена скрытым присутствием экзотической материи, состоящей из иных элементарных частиц (или если даже из тех же, то чуть-чуть в другой комбинации).

В своей знаменитой статье «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленин вступает в заочную дискуссию с Г. Гельмгольцем относительно так называемой теории иероглифов. Кто оказался прав в этом идейном споре?

Как известно из ранее уже опубликованных работ (см. «Опыт...»), автор повсюду неуклонно и четко придерживается версии о субъективной реальности эмоций и относительной иллюзорности ощущений. Причем по своему духу такая позиция, наверное, всё же таки гораздо ближе к ленинской, нежели к более ранней - немецкой классической (основоположник – Герман фон Гельмгольц). Последний – напомним - разработал собственную теорию восприятия, в соответствии с которой субъективные образы не имеют ничего общего с объективными качествами окружающих нас материальных предметов, являя собой лишь некие их абстрактные символы. То есть любое сиюминутное восприятие определялось, согласно Гельмгольцу, уже сформированными у данного индивида «привычными средствами», за счёт которых у него как раз и сохраняется постоянство видимого мира.

Напротив – в авторской концепции связь между объектом и образом рассматривается уже как отношение гомоморфизма между двумя неравномоными множествами. Но, с другой стороны, говорить о том, что таких гомоморфных образов одного и того же предмета может в реальной жизни существовать бесконечное число, - это, пожалуй, было бы в данном случае легче всего. Вот почему тут уж волей-неволей приходится мысленно подчас апеллировать к иерархической эволюции природных систем (начиная с первичных

монад) в контексте поступательного развития их психики. А вообще, что касается окружающей нас действительности, то окончательный правильный ответ насчёт искомого типа ментального отображения будет, очевидно, прежде всего здесь зависеть от пространственно-временных параметров Вселенной и полного набора квантовых характеристик у 5-и (как минимум) стабильных элементарных частиц, лежащих у истоков нашего бытия.

Логично ли массовую гибель динозавров объяснять на основе фактора постепенного исторического увядания любого конкретно взятого класса или вида животных?

Старение вида это в принципе не что иное, как темпоральная деградация видовой генетической памяти. С философской точки зрения такой подход откровенно отдаёт гегельянством в его, правда, несколько приукрашенной и замаскированной форме. Как мы помним, именно Гегель любил вполне обыденный и закономерный процесс развития общечеловеческой культуры, философии, науки и даже религиозных верований выдавать за некий самодовлеющий механизм, переворачивая по существу всё с ног на голову. Если же перейти на рельсы сугубо биологической аргументации, то следует сразу же перво-наперво уточнить, что речь здесь может идти только о белковой памяти, а последняя, в отличие от ДНКовой, характеризуется прежде всего тем, что в нее не заносится абсолютно всё подряд. Да и, кроме того, в нашем распоряжении имеются ведь и куда более естественные варианты (в том числе связанные со ссылками на различного рода сокрушительные природные катастрофы как земного, так и глобально-космического характера).

Чем первичные монады отличаются от прочих элементарных частиц?

По автору, краткосрочная память монад (да собственно, и всех вышестоящих истиионов) зиждется на их внутренней дискретной структуре, тогда как внутренний мир переживаний являет собой неотъемлемый атрибут бытия любого вида энергии. В связи с этим возможны три

вариативных взгляда на природу элементарных частиц: 1/ все они являются компактными энергетическими объектами и в то же время микровселенными; 2/ энергетизм присущ всем, но некоторые (и весьма причём немногие) являются, помимо этого, еще и микровселенными; 3/ одной части из них присущ внутренний энергетизм, другой - внутренняя дискретная неисчерпаемость.

По большому счету, в этих пунктах не мудрено, конечно же, усмотреть некий элемент надуманного противопоставления одних свойств материи другим, столь же, казалось бы, для неё привычным и естественным. Однако если потенциальную вечность монад принять здесь не в качестве гипотезы, а именно аксиоматически, учитывая притом, что кроме этих первокирпичиков нашего бытия существуют еще и такие не менее "крепкие" частицы, как электроны, нейтрино, мюоны (как, впрочем, и их полярные антиподы), играющие, быть может, архиважную роль в иных мирах, - то волей-неволей начинаешь понимать, что первая из версий отнюдь не выглядит тут какой-то универсальной и всеобъемлющей.

Как выглядит авторский иерархический уклад существующего мироздания с точки зрения новейших достижений представителей точных наук, в первую очередь физико-математического профиля?

Весьма красноречиво подтверждает все выдвинутые автором гипотезы о пространственной ориентации и структуре элементарных частиц (а заодно, кстати, и версию относительно теневой, внешне не ощущаемой нами ипостаси столь привычной, вроде бы, для каждого космической энергии) новейшая теория суперструн, Там тоже монады в трактовке американцев Дж.Шварца, Э.Виттена. Й.Намбу и Л.Сасскинда, создаются де-факто по общему виртуальному плану со структурными звеньями ДНК. Сам ядерный синтез, имевший место в далеком прошлом при высоких температурах, можно себе представить аналогичным сборке жизненных супер-спиралей из фрагментов Оказаки (и также причем с

односторонней винтовой закрученностью!). Хотя вместе с тем остаётся пока не вполне понятным, входят ли «тонкие» микролептонные миры в состав постулируемой американскими физиками призрачной (то есть обладающей скрытой массой) квази-Вселенной или все ж таки они расположены ближе к нам.

Есть здесь еще одно немаловажное обстоятельство. На всех этапах сложности в окружающем нас мире природа как бы проклята быть вечно связанной с какими-то постоянными колебательными процессами, вносящими определенную размытость в ее, казалось бы, довольно стройные очертания. Теория Шварца и К* объясняет это непрерывной вибрацией суперструн, потенцирующей подобного рода колебательную энергию для всех последующих уровней развития материи и непосредственно влияющей на воспринимаемую нами диалектическую картину бытия.

В целом же теория суперструн зиждется на фундаменте существования абстрактно-априорной десятимерности в пределах нашей Вселенной. Причем согласно основополагающему постулату формальной логики, любое такое искусственное домысливание пространственности никогда нельзя будет достоверно подтвердить, но зато уж при наличии соответствующих фактов его без какого-то особого труда можно будет опровергнуть. Однако даже несмотря на это, именно теорию суперструн использовать пока что на сегодняшний день целесообразней всего - как весьма удачное концептуальное решение, во многом коррелирующее с ранее установленным нами эмпирическим законом чрезвычайного подобия, ну а главное – значительно приближающее всё прогрессивное человечество к познанию истины!

Правомерно ли, используя закон перемежающегося подобия, утверждать о наличии определенной функциональной упорядоченности нуклонов внутри атома?

Двоичная структура построения систем с достаточной строгостью соблюдается лишь тогда, когда речь идет об основных ступенях системной организации. На всех промежуточных уровнях: в атомах, молекулах, геномах,

семьях, популяциях, государствах - она хоть и наиболее предпочтительна по сравнению с другими альтернативными вариантами, но все же таки вовсе не обязательна. Причем в этой связи вот еще что заслуживает особого внимания: согласно нынешней естественнонаучной парадигме, атомарные протоны и нейтроны якобы не сохраняют в ядре своей специализации и даже - более того - непрерывно то и дело превращаются друг в друга, так что говорить о доминировании какого-то одного из нуклонов, будь то в паре или на уровне атома в целом, по мнению значительного большинства ученых, не приходится. Хотя, с другой стороны, это могло бы служить еще одним убедительным подтверждением мезохольности всех известных нам из химии элементов таблицы Менделеева. Ведь для природных изотопов показательна как раз обратная картина, а именно весьма отчетливое функциональное доминирование одной из руководящих половинок - «я».

ПРОБЛЕМЫ БИОЛОГИИ И МЕДИЦИНЫ

Что появилось в масштабах Вселенной раньше: белки или нуклеиновые кислоты?

Более естественным выглядит здесь тезис, согласно которому белки были созданы полинуклеотидами. Однако экстраполировать подобную точку зрения и на генезис аминокислот было бы, впрочем, не совсем корректно. В частности, на практике это, в общем-то, мало состыкуется с авторской гипотезой о прионном механизме обратной связи при унификации генетического кода (а особенно – с учетом вполне допустимого спонтанного рассеивания по Земле неких мельчайших форм жизни, попавших к нам извне).

Можно ли дать адекватное теоретическое обоснование повсеместно распространённому и к тому же весьма, как правило, успешному применению самых различных по своей структуре современных видов массажа?

Сейчас в медицине создалась такая ситуация, когда практика явно опережает теорию, порой причём даже противореча ей. Сказанное непосредственно как раз относится и к массажу. Так, шведский массаж во многих пунктах противоречит нашему привычному классическому; шиацу не имеет ничего общего с акупунктурой; несколько в стороне от всех вышеуказанных методов стоит и аурикулотерапия. О существенных различиях между сегментарным массажем (апеллирующим в основном к зонам Захарьина-Геда) и древней восточной традицией иглорефлексотерапии акцентировалось внимание ещё в первоначальной версии "Опыта...".

Между тем, как ни странно, но несмотря на серьёзные противоречащие друг другу моменты, в обыденной жизни помогают почти все вышеуказанные методики. В чём же здесь дело? Оказывается, вся загвоздка в разноуровневой регуляции состояния организма. Один вид массажа влияет на экстраэнергетическую систему человека, другой - на нервную, третий - на соединительнотканые структуры либо непосредственно на тот или иной внутренний орган. По нашему твердому убеждению, специалистам, которые бы пожелали в совершенстве овладеть техникой топического массажа, следует очень серьёзное внимание уделить как гистологии, так и её расширенному варианту - учению о зародышевых листках.

Давно известно, что отдельные органы человека имеют определённую эволюционно обусловленную самостоятельность и - более того - обладают, можно сказать, даже неким подобием собственной памяти. Сексологи, в частности, заметили такой совершенно поразительный факт. У мужчин,

стабильно предпочитающих одни и те же копулятивные позы, половой член в момент эрекции самостоятельно устанавливается под привычным для него углом. Так, для многих полудиких, или иначе говоря, попросту отставших от цивилизации центральноафриканских племен, традиционно совокупляющихся "по-лягушачьи" - сзади, указанный угол, как правило, больше 90°; у некоторых наших пресыщенцев, любящих позы снизу, соответствующий показатель доходит до 180°, а у сторонников боковых поз член самостоятельно во время эрекции прямо как по заказу переваливается набок, т.е., как видим, настолько, бывает, свыкается со своей повседневной стойкой, что частенько затем при всём желании хозяина быстро "переучить" его у данного человека ничего уже не получается. Как же это можно истолковать - при полном-то отсутствии у данного органа какой бы то ни было мышечной иннервации, способной адекватно улавливать нисходящие подкорковые сигналы?! Неужели столь объёмиста интегративная память клеток, зиждящаяся, по идее, на рибосомной */тактической/* и хроматидной */стратегической/* памяти своих субъединиц? У автора на сей счет есть собственная нетривиальная точка зрения, которую он, однако же, воздержится пока еще тут афишировать...

Но примеры органной автономии на этом не исчерпываются. Так, в частности, еще чуть ли не с античных времен известно, что сердце лягушки или даже человеческого зародыша при соответствующих условиях продолжает биться в привычном режиме, тогда целостного организма давно уже нет в живых. Разнообразные болезни печени и костей лечат забиванием в эти органы иголок, причем, в отличие от экстраэнергетического */бесконтактного/* либо нейротропного */сегментарного/* массажа и акупунктуры, иглы обычно вводятся не в строго определенные локации, а прямо куда попало - лишь бы не в кровеносный сосуд. Однако, на наш взгляд, в данном случае правильней было бы говорить не об органной, а о тканевой или даже, возможно, о

топодермальной терапии. Сюда же, по-видимому, следует отнести и глубокое пальцевое воздействие по методике шиацу. Конкретное чётко аргументированное обоснование подобным топическим эффектам необходимо искать на уровне построения концепции доклеточной эволюции геномов, а также в соответствии с механизмом распределения функций человеческих нуклеосом и отдельных генов в пределах каждой из них.

Что же касается общего массажа, то логично предположить, что поверхностное, мягкое, ласкательное, т.е. иными словами, пластичное воздействие на кожу увязывается с успокаивающим, расслабляющим и в некотором плане даже эротическим влиянием на нервно-гуморальную систему организма, а глубокое, так называемое шведское, - с преимущественным влиянием на весь соединительнотканый аппарат; но одновременно с этим, естественно, активируется и деятельность ЦНС, поскольку в ходе такой процедуры стимулируются афферентные кожные рецепторы и проприорецепторы. Таким образом, выходит, что суммарные эффекты получаются где-то приблизительно равными, так как небольшая польза в первом случае примерно уравновешивается с весомой пользой и незначительными «издержками производства» во втором.

Что собой представляют с философской точки зрения достаточно хорошо известные и медикам, и биологам так называемые медленные инфекции белкового генеза?

Наследственно-инфекционные прионные болезни как по механизму своего развития, так и по частоте проявления среди прочих нозологических форм имеет смысл увязать с самовоспроизводящимися вирусно-компьютерными инфекциями. Хотя, впрочем, с нашей стороны здесь было бы пока еще рановато экстраполировать это внешнее сходство и на все белковые заболевания человека вообще, в том числе муковисцидоз, паркинсонизм, БАС, различные амилоидозы, а также иные тяжелые формы аутоиммунного или аллергического характера. Дело в том, что лишь совсем небольшой процент основных (гистоновых) белков

выполняет функции, присущие роботам высокоразвитых цивилизаций. Все остальные же их «сородичи», входящие, например, в структуру нуклеопротеидных комплексов рибосом, мембранных рецепторов, средств внутри- и внеклеточной защиты, являются куда более инертными в плане подлинно творческой активности механизмами.

Насколько коррелирует авторская теория эволюции с принципиальными взглядами современных биологов?

Что касается большинства спорных вопросов, то здесь заведомо прослеживается довольно-таки чёткая согласованность представляемых позиций. В частности, то, что живой мир существует не в индивидуально-разлитой форме, а по отдельным видам, вполне объяснимо за счет самого матричного характера ранних (постсингулярных) этапов эволюции природы. Далее же в процессе всеобщего космического развития плоскостной охват этой единой матричной базы не был, разумеется, строго фиксированным, но по мере усложнения и увеличения числа объектов становился подобно хорошо знакомому нам филогенетическому древу всё шире.

Еще один *извинительный** нюанс разбираемой тут авторской концепции относится к скачкообразности видообразования. Потому как у некоторых современных ученых появились вдруг всякие притянутые за уши аргументы в пользу того, что радикально обновляется сразу вся популяция, а не отдельные особи внутри неё. Альтернативой этому якобы может быть лишь теория катастроф с массовым вымиранием одних видов и возникновением на их месте других (более уже прогрессивных) либо некие схожие антидарвинистские версии. К сожалению, на развитии человеческого общества данный тезис нельзя проверить, так как оно прогрессирует в основном за счет языка и культуры. Хотя де-факто скачкообразный характер переходов в популяции легче всего, пожалуй, объяснить, апеллируя к глобальной астрологической зависимости; причем как в смысле энерготеневого воздействия самих звезд на жизнь нуклеопротеидов, так и в куда более обыденном плане (т.е. коренным изменением геокосмической

обстановки, непосредственно влияющей на метеорные, лучистые, циркадианные ритмы, да и просто даже на погодные условия).

Но вместе с тем не видно по существу и сколь-нибудь достойных возражений против идеи перманентности «животворных» земных преобразований. Действительно, с одной стороны, многие виды вообще не эволюционируют, так как им, в принципе, некуда дальше двигаться (ну или нет подходящей экологической ниши). Те же, которые всё ж таки развиваются, вполне способны создавать у палеонтологов иллюзию фаз эволюционного спокойствия с последующими бурными взрывами. Тогда как на самом деле новые формы, судя по всему, гораздо медленней накапливаются по сравнению со старыми, которые впоследствии чуть ли не в одночасье исчезают, не выдержав внутривидовой конкуренции со стороны "неофитов".

** Извинительный - необязательный для автора, который предлагает запасную концепцию лишь на тот случай, если основная будет аргументированно забракована специалистами.*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В чем заключаются достоинства и недостатки трех наших близкородственных русскоязычных наций?

Русские, украинцы и белорусы лишь внешне (допустим, с точки зрения какого-нибудь африканца) сильно похожи друг на друга. Однако на деле, как мы сами знаем по себе, все обстоит далеко не столь просто. Единственная общая, характерная, пожалуй, для всех восточных славян черта – это их прирожденное физическое совершенство, т.е. сила, закалка и выносливость (хотя даже и по этим качествам они немного уступают немцам и скандинавам). Некоторые, правда, добавляют сюда еще и повышенную склонность к алкоголизму, однако подобные суждения, очевидно, нельзя считать в достаточной мере обоснованными.

В остальном же восточноевропейские славяне заметно отличаются друг от друга. Русские, как известно, не очень любят работать. Знаменитая русская лень,

воспетая даже в устном народном творчестве, является чуть ли не первой визитной карточкой типичного россиянина. Украинцы более трудолюбивы, но зато при этом и более скупы, прижимисты, не столь дружелюбны и гостеприимны.

По мнению некоторых ученых, русский человек изначально по своей натуре склонен к бродяжничеству, причем этот кочевнический, что ли, инстинкт явился якобы основной предпосылкой русскоэтнической экспансии, приведшей к завоеванию огромного числа новых земель к востоку от исконно славянских вотчин. Здесь надо подчеркнуть, что речь идет не об агрессии против коренных жителей Сибири (как это имело место со стороны конкистадоров по отношению к американским индейцам), а именно о мирном добрососедском сосуществовании с вынужденно потесненными со своих насиженных мест малочисленными северными народностями.

Однако все же самой замечательной из восточнославянских наций, вне всякого сомнения, являются белорусы. Если русский просто-напросто не столь агрессивен, как, скажем, кавказец, норманн, англосакс или янки, то белорус по-настоящему добр. Причем эта доброта просвечивает буквально повсюду: в песнях, стихах, народном говоре и даже в самом внешнем виде. Ни у русских, ни у украинцев не встречается такой высокий процент людей, имеющих антимонголоидный разрез глаз (имеется в виду опущенность наружных уголков глазниц по направлению к скулам), как в Белоруссии, прежде всего – в центральных и западных ее районах. А подобного рода стигма именно как раз и является первейшим физиогномическим признаком добродушно-миролюбивого, покладистого характера данного конкретного человека или даже нации в целом. В частности, белорусские девушки куда более ласковы и женственны по сравнению, скажем, с теми же «хохлушками», а значит, и более обаятельны, привлекательны, удобоваримы в интимно-супружеском плане. В отношении происхождения белорусской народности автор придерживается мнения, что собственно славянской крови в них течет гораздо меньше, нежели литовской; язык же в данном случае отнюдь не показатель. По этому поводу можно вспомнить примерно аналогичную ситуацию с болгарами, язык которых тоже очень похож на русский, но характерный широколобый вид, а также прекрасно развитые музыкальные, да и другие культурно-художественные традиции, так или иначе, указывают на их существенную удаленность от исконно славянских корней.

Вряд ли для кого-то будет секретом, что на Западе еще с давних пор бытует весьма распространенный тезис о нашей полной якобы политической несостоятельности, т.е. неумении руководить собственным государством (из-за чего россиянам в ходе своей многовековой истории приходилось то и дело «звать на трон» людей со стороны). И всё же, хотя в этой мысли и присутствует,

разумеется, какая-то небольшая горчинка правды, но вместе с тем огульно так вот с бухты-бархты тоже, пожалуй, обобщать нельзя...

Могут ли массовое безделье, тунеядство и паразитизм быть главным фактором развала государства?

Исходя из множества уцелевших в архивах исторических документов, все вышеперечисленные пороки способны выступать как своего рода тревожный сигнал о надвигающейся опасности, то есть служат, по сути, в качестве непосредственных предвестников близкого конца. В то же время нет никаких кардинальных доводов против того, что в высокоразвитых обществах грядущего не будет всё как раз наоборот. Так что само по себе безделье и паразитизм граждан в принципе отнюдь не являются главной причиной гибели того или иного государства.

По какому пути пойдет эволюция человеческого общества: к созданию киборгов, когда ведущая роль останется за человеком, или же верховодить будут все-таки роботы?

Для правильного ответа на этот вопрос надо прежде всего тщательно изучить жизнедеятельность клетки и выяснить, кто выполняет ведущие функции у эукариотов: белки или ДНК. Автор придерживается пока априорного, можно сказать, даже субъективного мнения, что роль белков как в фило-, так и в онтогенезе современной молекулярной биологией недооценивается.

Следует сказать, что белки в природе наделены, судя по всему, определенными возможностями автономного развития. В этом они очень похожи на математику с ее множеством теорий, отдельные из которых имеют прикладное значение, но большинство, вроде бы, начисто бесполезны - как плод буйной фантазии. Однако пройдет какое-то время, и не открытые пока еще законы Вселенной настоятельно востребуют одно из таких отвлеченных и ненужных с виду готовых построений. В роли физика в нашем случае, вполне естественно, выступает ДНК.

Ну а если судить сугубо умозрительно, то при осуществлении дальних космических полетов и последующей колонизации новых подходящих для жизни галактик приоритет, конечно же, останется за киборгами. Тогда как на родной для нас планете между

машиной и человеком всё ж таки, по идее, должно сохраниться формальное равенство (при котором каждый из них будет считать себя главным). По крайней мере, именно такой вот мирный путь развития общеземной социума выглядит наиболее приемлемым и желанным для подавляющего большинства самих землян.

Почему венгры, ведущие, как известно, свою родословную от полудиких племен хантов, по общему интеллектуальному потенциалу, тем не менее, превосходят многих своих более, казалось бы, цивилизованных и развитых в историческом плане соседей, в том числе и славян?

По показателям плотности гениальных личностей (имеется в виду, из расчета на душу населения) венгры опережают славян не только в науке, но и в культуре, искусстве, а также в некоторых видах спорта (не связанных с силой, закалкой и выносливостью). А о поистине непревзойденных музыкальных дарованиях представителей этой нации вообще даже и говорить не приходится. Большую роль здесь сыграл прежде всего мощнейший фактор межэтнического гетерозиса: ведь от своих древних племенных сородичей у венгров остались разве что отдельные слова, но никак не гены. Последние представляют у них, по сути, самую что ни есть пеструю смесь лучших селективных аллелей всех контактировавших с ними народов, как, впрочем, и множества аналогичных заимствований от пришлых евреев, турок и цыган. Помимо общеизвестных естественных факторов, обуславливающих активацию и депрессию генов на уровне клетки, значительную роль в прогрессе самобытного мадьярского этноса сыграл, по-видимому, и сугубо социальный отбор, так как венграм по причине их достаточно мягкого и беззлобного характера зачастую приходилось терпеть жесточайшие преследования (сперва - со стороны монголов, половцев и хазар, а позже – пребывая долгое время под османским игмом), когда вся нация, можно сказать, находилась буквально на грани медленного и, казалось, уже необратимого насильственного умерщвления.

Но зато уж весьма поучительное для нас дружелюбие и веротерпимость венгров по отношению к цыганам и особенно (*nota bene!*) к евреям непосредственно поспособствовали созданию в стране довольно мощного и насыщенного интеллектуально-культурного потенциала.

Умирают ли государства с присущей всей природе фатальной неизбежностью или же можно своевременными реформами предотвратить надвигающуюся гибель?

Вообще-то по идее верна вторая из приведенных позиций. Но, с другой стороны, смерть государства вполне может произойти не только от внешних, но и от внутренних причин. В частности, конец Римской империи был обусловлен полным внутренним развалом, но свою дополнительную роль сыграли и внешние факторы. Примерно то же самое ожидает, видимо, в скором времени и США. Их загнивание начнется с постепенного исчезновения законности и порядка. Реальная власть окажется у мафии. Граждане перестанут платить в государственную казну налоги, в результате чего не на что будет содержать армию. Естественно, что в создавшейся ситуации правительство потеряет контроль и над «мозгами государства». А значит, небольшая группа смекалистых инженеров и технологов где-нибудь в келейной тиши наверняка уж попытается спровоцировать бескровный, но предельно жесткий «роботной бунт» - с целью раз и навсегда прекратить царящие в стране безобразия. Это один из наиболее реальных путей внутреннего самораспада. Суть же второй альтернативной версии сводится к тому, что решающую роль здесь вполне могут сыграть дикие в прошлом африканские народы, которые, объединившись с местными неграми, создадут на руинах захваченных ими штатов новую черную империю.

Примерный временной порог существования современного цивилизованного государства можно вычислить, воспользовавшись законом чрепартного подобия. Как известно, 58 жизненных циклов клетка проходит до момента своей гибели. И приблизительно столько же раз каждый новый состав правительства начинает, по сути, делать то же самое, чем занимались и его предшественники. Таким образом, если говорить о США, то соответствующий максимальный срок для них будет равен $4L + 8M + 12N = 296$ (лет). В этой формуле, разумеется, учтено, что некоторым американским президентам довелось взойти на свой трон дважды, а одному – даже трижды.

ПРАВОВЕДЧЕСКИЕ

ПРОБЛЕМЫ

Реально ли вообще на сегодняшний день каким-либо образом обуздать преступность?

Рост преступности в современном демократическом обществе де-факто предотвратить на практике невозможно*. Да и, кроме того, все имеющиеся в нашем распоряжении варианты могут представлять разве что лишь чисто познавательный интерес, так как заведомо не будут приняты на высшем государственном уровне.

Самый естественный здесь путь (т.е. можно сказать, подсказанный, по идее, самой природой) - это радикальное качественное укрепление, а если надо, то и обновление полицейского аппарата. В правоохранительные органы должны набираться люди наиболее достойные и с безупречной биографией, желательно прямо со школьной скамьи - согласно соответствующим рекомендациям педагогов. Стражей правопорядка целесообразней всего нанимать примерно на 5 лет, обеспечивая при этом самым привилегированным общественным статусом. Но вместе с тем и к провинившимся также, в свою очередь, должны приниматься пенитенциарные меры, по силе своего воздействия гораздо более суровые, нежели относительно всех иных граждан. Столь небольшой временной промежуток, как 5 лет, объясняется тем, что охрана порядка - очень, по сути, нелегкий ежедневный труд, который не каждому под силу выдержать; однако этот срок (в случае, конечно же, одобрения со стороны жителей данного территориального участка) может быть и продлён, если сам волонтер выразит подобное желание.

**Сказанное не относится, пожалуй, лишь ко всяким откровенно патологическим (сладоэрастно-жестоким, "садистским") преступлениям.*

Каковы ближайшие и отдаленные перспективы совершенствования уголовно-процессуальной структуры в современном обществе с учетом основных закономерных тенденций его исторического развития?

В настоящее время все судопроизводственные процессы характеризуются чрезмерной детализацией и затянутостью, хотя во многих случаях дело, как говорится, выеденного яйца не стоит. Что же касается дознания, то оно зачастую вершится необъективно, с применением недозволенных силовых средств. Исправление вышеуказанных недостатков видится нам в следующих глобальных правовых преобразованиях: форсированной роботизации и компьютеризации судопроизводства и дознания, а также максимальном, по мере возможного, сближении самих этих двух составляющих с последующей их интеграцией в единую общую систему; введении обязательного психологического и сомато-вегетативного тестирования с использованием в том числе тестов на лево- и правополушарность, а также разнообразных записывающих приборов наподобие детекторов лжи; разрешении публичных телесных наказаний прямо на месте совершаемого преступления с освобождением, как правило, при этом от всех последующих процессуальных тягот, но только в том случае, если само совершенное противоправное действие не было социально опасным.

Остановимся теперь на каждом из этих пунктов несколько подробнее. Любое мало-мальски трудное и запутанное дело должен вести, а заодно и завершать своим логически безупречным приговором специально выделенный для этого робот. Но это, разумеется, возможно лишь в весьма отдаленном будущем. Сейчас же, пока еще столь беспристрастными и максимально справедливыми арбитрами мы, увы, не располагаем, следовало бы осуществить хоть какие-то паллиативные, половинчатые меры. Для этого присяжным целесообразно передать все судейские функции, но заодно и сделать, конечно, соответствующие шаги в плане обеспечения их личной безопасности, для начала хотя бы попросту экранировав от остальной публики. Процедура, судебного заседания должна быть значительно упрощена, а время четко регламентировано со смещением акцентов на предварительное знакомство с материалами дела. При вынесении приговора следует избегать метафизических крайностей типа: "виновен" - "не виновен"; "вина доказана" - "не доказана"; "субъект вменяем" - "не вменяем" и т.д., - а больше руководствоваться собственным здравым смыслом и совестью.

Поскольку как бы кто ни старался, но, как известно, в любом случае "лес рубят - щепки летят", присяжные должны быть полностью освобождены от ответственности за неправильно принятые решения, если, разумеется, с их стороны всё было чисто.

Целесообразность сохранения института адвокатуры на настоящий момент представляется, откровенно говоря, весьма спорной; но уж по крайней мере совершенно ясно, что присутствие велеречивых защитников на суде способно лишь помешать сосредоточенной работе присяжных. За адвокатами при условии их искренней веры в безневинность своего клиента допустимо пока сохранить участие в процессах дознания - главным образом для предотвращения возможных физических издевательств над заключенным. По нашему твердому убеждению, ко всякого рода двурушникам и «хамелеонам», располагающим конкретными данными об очевидной виновности своего клиента, но берущимся, несмотря на это, защищать их пред лицом Фемиды, должны, соответственно, приниматься адекватные меры наказания – вплоть до пожизненной дисквалификации.

Поскольку вся уголовно-процессуальная канитель связана с огромными затратами времени и ресурсов, стражам порядка надо предоставить право в безальтернативных случаях вершить самосуд прямо на месте преступления, используя при этом не только простейшие болевые приёмы, но и уничтожение или хотя бы изъятие орудий, вовлеченных в недозволенный промысел. Но всё это, увы, способно приблизиться к повседневным нашим реалиям лишь при условии осуществления коренных кадровых перемен в самих правоохранительных органах; причём старые кадры неплохо было бы не увольнять, а для начала переводить на какие-то менее оплачиваемые участки работы (например, в тюрьмы, колонии и другие подобного рода закрытые объекты).

Одной из острых правоведческих проблем современности является насущная потребность в интенсивной психологизации всех судебно-следственных звеньев. То, что присяжные обязаны быть не просто честными людьми, но в первую очередь именно тонкими проницательными психологами, видящими обвиняемого со всеми его хитроумно-эффективными ходами и коварно-изворотливыми уловками буквально насквозь - это, разумеется, и так вполне очевидно и, в общем-то, каждому понятно. Поэтому

с нашей стороны было бы гораздо уместнее заострить в данном случае акценты на необходимости психологизации самого процесса дознания. Целевое использование гипноза, в том числе и медикаментозного, а также различного рода специальной технической аппаратуры должно стать неотъемлемым атрибутом следственной практики; причём не только в отношении каких-то запутанных или особо важных дел, а и вообще - в самых широких масштабах. В качестве же второго по значимости (после детектора лжи) когнитивного теста необходимо утвердить проверку каждого задержанного лица на специфическую полушарность. Ибо всем уже хорошо известно, что правополушарные не способны не только на жестокие, сладострастно-садистские преступления, но даже и на всякие другие нечистые соблазны они, заведомо "клюют" крайне редко. В сущности, примерно то же самое можно повторить и относительно судебных вердиктов: за аналогичные совершенные преступления правополушарных и генетически благонадежных граждан допустимо наказывать менее строго по сравнению с их антиподами. Это напрямую связано с разными темпами коррекции и перевоспитания вышеуказанных категорий.

Что такое философия права и какие глобальные мировоззренческие проблемы являются предметом ее изучения?

Философию права следует рассматривать в качестве основного методологического аппарата при регулировании противоречий между отдельными гражданами, стремящимися к полной свободе, с одной стороны, и всеобщими интересами государства как единой системы – с другой. Это во-первых. Во-вторых же, существует хоть и менее важные, но все же какие-то внутренние локальные противоречия между самими гражданами, и их тоже надо стараться как-то разрешать цивилизованным путем. И в том, и в другом случае основополагающий принцип верховенства государственных интересов, разумеется, незыблем, а тенденция к его частому нарушению является одним из первейших и достоверных свидетельств надвигающейся анархии, то есть фактического безвластия. В конце концов этот процесс рано или поздно неминуемо приведет к катастрофе - если, конечно, не произойдет каких-то коренных реформ в системе государственного управления и правопользования, а все будет продолжать течь по инерции, т. е. в том же примерно духе.

Способно ли ужесточение законодательства хотя бы временно ненадолго остановить рост преступности?

Это один из искусственных путей обуздания преступности, который может быть эффективен, а главное – иметь логическое обоснование и соответственно этому необходимую поддержку у населения лишь при некоторых дополнительных условиях:

1. Назначение суровых наказаний должно выноситься только при полном и неопровержимом доказательстве наличия самого по себе «события преступления»; во всех же остальных случаях приговор должен быть значительно мягче.
2. При вынесении судебного вердикта необходимо учитывать заслуги обвиняемого перед государством, а также некоторые другие нюансы, которые сейчас обычно не учитывают, например, состояние его здоровья – не только с точки зрения вменяемости, а как раз больше в плане соматики. Преступные посягательства тяжело больного или умирающего с голоду человека заслуживают куда большего оправдания и сочувствия, нежели аналогичные по своему составу деяния, часто совершаемые просто в порядке развлечения неким бесящимся с жиру пресыщенцем. Причем этот пункт имеет прямое отношение не только к имущественным, но и фактически ко всем иным противоправным актам, в том числе и насильственного характера. В то же время не надо делать существенных скидок лицам, совершающим – и неоднократно – преступления «в состоянии сильного душевного волнения», а попросту говоря, холерикам и психопатам, так как подобная неоправданная тактика невольно ставит их в некое привилегированное положение по сравнению с остальными – сдерживающими себя, быть может, в ущерб собственному здоровью.
3. Любое повторное правонарушение должно наказываться примерно раза в полтора-два суровей, чем первое; особенно же это касается аналогичных по составу преступлений, когда налицо очевидные признаки патопсихологического формирования характера. Лиц, совершающих третий раз подобный проступок, если он к тому же относится к разряду средних или тяжких, смело можно осуждать к пожизненной каторге как не поддающихся цивилизованным методам перевоспитания.
4. Необходимо на вполне официальном, государственном уровне отмежеваться от давно изжившей себя теории существования единого вида *Homo sapiens*, признав реальное наличие в обществе людей первого и второго сорта – с соответствующей профильной дифференциацией их методами лабораторной диагностики и выдачей на руки генетического

паспорта. Второсортники при этом должны содержаться в отдельных колониях-поселениях и, если даже пока и не обслуживать нужды своих сородичей, то хотя бы просто не мешать им жить.

К сокращению количества правонарушений (в основном корыстных и организованных) привела бы, очевидно, и ликвидация института адвокатуры, превратившегося, по сути, на данный момент в дочерний филиал криминально-мафиозных структур. Ну или временно (т.е. сугубо лишь на некий переходной период) можно ввести хотя бы такое правило: если адвокат берется обманом защищать в суде заведомого преступника – то он должен получить за свои аморальные действия конкретный тюремный срок.

Для демократических государств все это, впрочем, представляет лишь чисто познавательный интерес: ведь на практике ни один из вышеприведенных пунктов не может быть принят, поскольку в корне противоречит личным устремлениям законодателей.

Каковы реальные пути усовершенствования пенитенциарной системы?

Издавна считается, что нравственно-правовое улучшение человеческой породы возможно тремя качественно различными способами. Наиболее мягкий из них – убеждение, к которому заодно на равных правах можно причислить и запугивание, а самый кардинальный – уничтожение провинившихся. В некотором роде половинчатую позицию между ними занимает исправительная система, являющаяся, тем не менее, на сегодняшний день одной из очевидных болевых точек общества. Вышеперечисленные методы, собственно, можно озаглавить и несколько иначе: религиозно-назидательный, пенитенциарный и евгенический, – причем опять-таки примерно где-то на стыке первых двух будет находиться еще один как бы своего рода промежуточный вариант – вспомогательно-профилактический, в основу которого должно быть положено именно как раз упоминавшееся уже здесь несколькими строками выше запугивание.

В свою очередь, среди совокупности собственно пенитенциарных приемов воздействия на провинившегося также можно выделить три качественно различных по своей сути подхода. Это – штраф, отработка и телесные экзекуции. Прежде всего здесь сразу же следует отметить, что любые противоправные поступки – в том числе пусть даже и с криминальной подоплекой, но совершаемые случайно (если при этом, конечно, указанная случайность не носит характера совсем уж очевидной преступной расхлябанности) - не должны, на наш взгляд, каким-либо образом наказываться вовсе. Все компенсации пострадавшей стороне, по идее, обязано взять на себя государство.

Штраф целесообразно применять только по отношению к «административным» правонарушителям, так как самой по себе пенитенциарной пользы от него - практически никакой. Правда, солидным штрафом можно обложить и преступника, но только в том случае, если его состояние здоровья не позволяет применить к нему основные методы воздействия.

Ничто так благотворно не влияет на дальнейшее поведение провинившегося, как напряженный каждодневный физический труд. Особенно же это касается лиц, совершивших корыстные преступления. Польза от такого мероприятия обычно бывает обоюдной; необходимо только обеспечить человеку свободу выбора поля деятельности, а также режима времяпрепровождения, дать ему возможность подобрать соответствующую себе по духу бригаду, так как любые подобного рода факторы, на первый взгляд кажущиеся мелочными и вовсе не обязательными, играют, между тем, исключительно важную роль в собственно пенитенциарном плане. Как раз в связи с последним замечанием здесь следует подчеркнуть, что исправление трудом наиболее эффективно в тех ситуациях, когда привычка воровать, хитрить и обманывать не укоренилась слишком глубоко; в противном же случае таких асоциальных отщепенцев, ставших, в сущности, на путь полного раскола с обществом, остается, пожалуй, лишь наказывать длительным тюремным сроком. А с людьми второго сорта и вовсе церемониться не стоит!

Каким образом можно попытаться предупредить явно участвовавшие совершения заведомо немотивированных актов насилия - особенно в тех случаях, когда они направлены на добрых безневинных людей и осуществляются вполне вменяемыми субъектами, движимыми банальной садистской похотью?

Как ни странно. однако же такой именно вид преступлений пресечь, в принципе, довольно легко. Для этого вышеупомянутых садистов достаточно умерщвлять не обычным цивилизованным путем, а их же собственными или, возможно даже, еще стократ более мучительными и изощренными методами, причем делать это надо в открытую, у всей остальной публики (а главным образом – у молодёжи) на виду. Телесные страдания этих извергов вряд ли способны вызвать в душах окружающих людей некое ответное сочувствие, то есть с морально-превентивной точки зрения пойдут юной подрастающей смене только на пользу. Здесь важно добавить, что вообще любое физическое издевательство

(причём не обязательно даже со сладострастно-садистским оттенком), если оно обращено на порядочного, ни в чем не повинного человека, должно быть вполне официально - и в том числе посредством коренной модификации норм уголовного кодекса - признано тягчайшим из всех обозримых и мыслимых преступлений.

Следует, однако, отличать жестокие поступки, совершаемые по неведению или в состоянии, близком к сумеречному, от целенаправленно садистских. И самый, пожалуй, наглядный тут пример – издевательство некоторых левополушарных детей и подростков над кошками, собаками, другими домашними животными. Впрочем, на практике таких трудно дифференцируемых для психолога или криминалиста случаев фактически почти не бывает.

Что же касается грубых хулиганских действий, «выплескивающих» порой наружу у чересчур вспыльчивых граждан (как правило, холериков и психопатов), то они не имеют к рассматриваемой тут типовой категории никакого отношения, так как не носят длительного заведомо издевательского характера.

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

Насколько полноценно, по сравнению, скажем, с представителями мужского пола, развито у женщин эстетическое миропонимание?

Этот вопрос лишь чисто внешне кажется каким-то тривиальным и не столь уж важным. На самом же деле однозначно ответить на него не так-то просто, причем к поиску истины нам придется в данном случае пробираться окольным путем.

Для этого сделаем вначале небольшое отступление и выдвинем хоть, правда,

и достаточно абстрактное, но в целом все же вполне резонное предположение о том, что наличие у того или иного человека такого, в общем-то, банального, но не очень обычно афишируемого на людях чувства, как брезгливость, логичней всего было бы увязать либо с некими эгоистическими рефлексамии либо с самосохранением, либо же, наконец, с гипертрофированным восприятием прекрасного. Однако многочисленные наблюдения показывают, что в действительности довольно четкая корреляция проявляется чаще всего именно с последним из вышеуказанных факторов, в то время как инстинкт самосохранения при углубленном анализе оказывается здесь вовсе неким «третьим лишним». В связи с чем возникает еще один столь же естественный вопрос: а не могут ли этикие сугубо утилитарные качества женщин (безо всяких, как известно, комплексов справляющихся с обязанностями уборщиц, лаборанток, нянь, обмывальщиц трупов и т.д.) быть обусловлены какими-то особыми чертами их внутреннего мироощущения, свойственными для квалифицированного большинства представительниц данного пола? Так что, как видим, сама по себе мысль о некоторой притупленности у них эстетического чувства (в унисон с явно сниженным уровнем интеллекта), получается, таки имеет своё законное обоснование. Но всё же для стопроцентно аргументированного и правильного ответа целесообразней всего было б тут, пожалуй, отталкиваться от общепринятой генуинной природы эстетического фактора. Брезгливость же в рассмотренном выше примере носит, можно сказать, вторичный, т.е. заведомо конформистский характер.

Итак, подводя итоги, следует подчеркнуть, что любое, в том числе и тонкодифференцированное эстетическое восприятие окружающего основано прежде всего на эндогенном умении отличать прекрасное от безобразного. То есть само по себе принципиальное противопоставление «эта вещь красива, а та - некрасива», по идее, не должно иметь никакого существенного отношения к половой принадлежности того или иного конкретно взятого индивида. Что же

касается вполне логичной и даже напрашивающейся здесь связи эстетических способностей человека с его интеллектом, то она также носит, скорее всего, не прямой, а лишь опосредованный характер, когда и то и другое обусловлено неким вышестоящим главенствующим фактором: например, специфической полушарностью, сильно преодолевающими конформными установками или же, допустим, общим психическим инфантилизмом данного человека. Иначе говоря, опять-таки налицо - извечное противопоставление генетической предрасположенности того или иного свойства (а в данном случае речь, напомним, идет о врожденных эстетических задатках) - его конкретному воплощению в повседневной жизни. Хотя то же самое следовало бы, пожалуй, сказать и об интеллекте, характере, а также всяческих возможных корреляциях между внешностью, здоровьем и общими телесно-конституциональными параметрами – и причем по отношению к абсолютно любому человеку как мужского, так и женского пола. Правда, взаимозависимость между внешностью и интеллектом, если уж до конца быть точным, имеет в фенотипе все-таки более сложный и запутанный характер, чем все иные проявления связей подобного рода, да и непосредственно к тому же зависит от полоролевого фактора. Однако это уже совсем другая проблема, которая в дальнейшем, кстати, непременно еще будет нами столь же обстоятельно «по полочкам» разобрана.

Можно ли провести некие четкие реальные параллели между выраженностью либидо и продуктивностью научно-исследовательской деятельности?

Ученые разных эпох усматривают между этими далекими, казалось бы, сферами психической жизни человека самую что ни есть прямую связь. Правда, если Фрейд говорил о некой мистической сублимации, то наш отечественный исследователь этой проблемы генетик В.Эфроимсон аргументирует данную зависимость в более приемлемых для современной науки терминах, а именно - повышенной реактивностью специфических мозговых клеток-мишеней на уровень содержания андрогенов в крови, приводящей к незначительным, но важным для

общего фона сдвигаю в структуре дофамин-серотонинового метаболизма, а также к иным локальным изменениям нейросекреции. Однако, помимо всего прочего, весьма немаловажную роль, как выясняется в процессе дальнейшего анализа, способен здесь играть и фактор принципиальной удовлетворимости (или, соответственно, неудовлетворимости) повышенного полового влечения. В связи с этим следовало бы особо подчеркнуть, что хоть Эфроимсон и приводит обширный список преуспевавших на обоих фронтах исторических героев, но всё же процент гениев в альтернативной группе (имеются в виду те, кто волей-неволей подавлял свои мужские амбиции), что там ни говорить, несколько выше. Вот почему здесь вполне правомерно вести разговор о присоединении к упомянутому уже ранее биохимическому также и чисто психологическому фактору, - естественно, с усилением при этом суммарного эффекта. Правда, многие из лишенных женской ласки зачастую сходят с ума либо просто день ото дня теряют в весе, слабнут, хиреют, а то и вовсе в конце концов кончают жизнь самоубийством. Но зато уж все остальные – выстоявшие - нередко блистают завидными успехами на научном и в первую очередь философском поприще. Сказанное напрямую относится чуть ли не к половине всех выдающихся немецких философов. Как добровольный, так и вынужденный отказ от положительных эмоций, связанных с сексом, в конечном итоге ведет не только к пессимизму, но и к усиленным поискам истинного смысла жизни. Двигаясь в русле модных концепций биохимизма, такого рода поведенческие реакции логичней всего увязать с выраженным снижением секреции мозговых нейрогормонов эндорфин-энкефалиновой группы. Те же, у кого с женщинами всё в порядке (а отсюда, соответственно, и с уровнем опийного насыщения тоже дела обстоят в норме), становятся, как правило, искусными политиками, предпринимателями, бизнесменами, прославленными художниками или мастерами слова, наконец, довольно неплохими учеными-экстенсификаторами, но отнюдь не философами.

Каковы место и роль телесных наказаний в системе воспитательного воздействия на провинившегося?

Применение телесных наказаний наиболее эффективно и логически оправдано в ответ на аналогичные жестокие действия самого правонарушителя, а в педагогике – для популярного доходчивого объяснения ребенку, что такое причинение боли какому-нибудь живому

существо. При этом известному древнему принципу «око за око, зуб за зуб» не обязательно, разумеется, следовать совсем уж буквально, однако ответные меры все же должны быть хоть более-менее адекватными, а в отношении подростков – и достаточно к тому же суровыми. Применительно к людям второго сорта подобного рода приемы коррекции, конечно, куда более эффективны (если, скажем, сравнивать их со штрафом или отработками) – и притом фактически для всех случаев жизни. Но однако сейчас – и это не является секретом – появились и другие, более цивилизованные методы воздействия, по силе своего влияния на поведение человека намного, кстати, превосходящие все прежние, давно уже известные. Что же касается лучшей части общества, то самые различные драки, нанесение телесных повреждений, иные подобного рода хулиганские поступки, если речь идет о взрослых или даже подростках, лучше всего стараться пресекать комплексно: и с помощью экзекуций, и одновременно – принудительным физическим трудом.

Детей до 10-ти лет имеет смысл не очень сильно, однако все же ощутимо для них самих «шлёпать» и за любые другие (конечно, достаточно при этом серьезные) прегрешения. В каждом конкретном случае констатация как самой вины, так и соответствующей меры воздействия находится всецело в рамках морального кодекса родителей и педагогов, непосредственно причастных к воспитанию данного ребенка.

Противоречат ли в буквальном смысле этого слова инстинкты разуму?

Человеческий разум а priori задумывался как своего рода специфический вспомогательный аппарат для обслуживания инстинктов, поэтому явных бросающихся в глаза противоречий здесь быть не может. Да и вообще все подспудные неувязки, выявляемые обычно при углубленном «самокопании», оказываются чаще всего на поверку не чем иным, как противоречиями между различными по своей природе инстинктами (например, между либидо к каким-нибудь из эгоистических инстинктов). У женщин вразрез с собственными интересами идет материнское чувство, а кроме того, зачастую также и неодолимая тяга к демонстративному «вихлянию задницей» (то есть, иными словами, навертыванию на глаза мужчинам), приводящая иногда к явно не планировавшимся поначалу актам насилия.

Зрелый разум, обслуживающий, по сути, интересы лишь одного инстинкта – познавательного, – не способен логически охватить целесообразность иных, более

фундаментальных и древних влечений, в особенности же тех, которые неминуемо ущемляют личное достоинство данного индивида.

Способна ли девушка полюбить своего суженого настоящей любовью?

Исходя из того, что у представительниц слабого пола отсутствуют либидозные устремления, теоретически такой вариант является абсолютно невозможным. Отдельные редкие случаи, описываемые иногда в литературе и еще реже встречающиеся в повседневной реальности, могут быть связаны либо с той или иной аномалией развития (как правило, эндокринно-церебрального генезиса), либо с довольно сильным самовнушением, причем последний вариант в настоящее время практически уже полностью изжит. Согласно личной статистике автора, сейчас лишь самое большее 0,01% девушек зрелого возраста (от 14 до 25 лет) способны самоотверженно полюбить своего избранника в ответ на проявленную с его стороны истинную любовь. То есть, если брать в масштабах г. Киева, таких будет от силы 30-40 человек; да и, кроме того, по-видимому, все они правополушарны.

Каковой же по идее должна быть формула соответствующего самовнушения? Если представить ее наподобие "Я должна его полюбить, ибо он меня тоже любит" или "... ибо он мне как раз подходит" и т.п., то это будет никакая не любовь, а просто искреннее уважение к данному человеку. Поэтому формула обязана быть гораздо более категоричной, чуть ли не медитативного характера: "Я люблю его, я не могу жить без него", "Это - моя судьба!"

И причем как раз, замечу, в таких вот примерно тонах формулировали раньше свои страстные страдания по Христу фанатично верующие истерички, что в конце концов внешне проявлялось у них возникновением стойких экстатических галлюцинаций, соматических стигм и соответствующих изменений сознания. В наше время необходимые образцы для сентиментально-любовного подражания берутся обычно из художественной литературы, кино, различного рода театральных мелодрам. Как уже упоминалось выше, все они, в сущности, фальшивы: ведь в подавляющем большинстве случаев эти произведения создаются мужчинами, которые по самому складу своего мышления, так или

иначе, не способны глубоко проникнуть в психологию женских чувств и переживаний.

В отличие от описанной нами подлинно бескорыстной взаимообязанной любви, девичья влюбленность в своего кумира - такого, например, как знаменитый рок-певец, артист, популярный ведущий телепрограмм и т.д. - в наши дни более актуальна. Причем, если сам кумир проявит при этом к данной девушке хотя бы маломальское внимание, то у неё вполне закономерно может возникнуть чувство, таки и вправду очень похожее на любовь. В частности, появляется ревность, тягостные переживания при длительных разлуках с ним и - что наиболее интересно - полная личная убежденность в том, что подобная привязанность к своему кумиру абсолютно бескорыстна. Но – увы: это, как правило, всего лишь мираж, т.е. хоть и непреднамеренный, но все же стопроцентный обман и себя и окружающих; ибо стоит избраннику катастрофически понизиться в рейтинге (например, попасть в автоаварию, публично опозориться, сесть в тюрьму и т.п.), как от подобной псевдо- влюбленности даже и следа не останется.

Это то, что касается девичьих чувств. Женщины 25-45 лет чаще всего страстно привязываются к определенным мужчинам лишь по одному-единственному критерию - умению вызывать у них ярко окрашенный длительный оргазм. Само собой понятно, что такого рода устойчивая предпочтительность в выборе партнера является простым застойным привыканием на основе удовлетворения женского телесно-гедонического чувства, но ни в коей мере не выражением сколь-нибудь либидозно возвышенных амбиций.

Где и как следует искать первичное "я"?

Вполне естественная для человеческого разума насущная потребность в поисках точной локализации центрального "я" подкрепляется здесь и чисто логическими аргументами, обосновывающими достаточно высокую вероятность подобной эго-структуры. Вследствие чего первичное "я" в данном контексте мыслится, конечно же, в качестве главного координатора сенсорно-мнестических функций таламуса, ну и, кроме того, как необходимый источник разумного

волевого акта. И даже если вообразить причинное начало этого источника относящимся к «тонкому» (*микролептонному*) миру, то сам запускающий механизм, связанный с посылкой нервных импульсов, должен всё же, так или иначе, находиться где-то в видимой анатомо-физиологической плоскости.

Зрительные бугры, гипоталамус, ретикулярная формация - вот, судя по всему, первоочередная сфера будущих целевых поисков. Ну а наиболее надежный и приемлемый путь состоит, очевидно, в традиционном искусственном раздражении каждой из клеток в отдельности. Сенсорный (как, впрочем, и парастезийный) ответ центрального "я" должен при этом быть поистине универсальным, то есть любой подопытный пациент во время раздражения искомого участка буквально, по идее, содрогнется от головокружительного наплыва чувств и ярких образных воспоминаний. К слову, сама методика постановки такого рода экспериментов в наше время не вызывает уже скольнибудь значительных трудностей; разве что остаются, пожалуй, лишь отдельные вопросы сугубо этического характера.

Логично ли некоторое отставание женщин в умственном развитии объяснять только лишь пагубным воздействием соответствующих половых гормонов на зрелость их мозговых структур?

Давно замечено, что девочки до пубертата часто превосходят своих антиподов в интеллектуальном развитии. На этом основании отдельные ученые делают вывод, что именно отрицательное эстрогенно-гестагенное влияние повинно в дальнейшей приостановке их интеллектуального роста. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения безосновательна ввиду целого ряда фактически полностью опровергающих ее доводов: 1) количество вундеркиндов и до пубертата среди мальчиков выше; выше, правда, и количество дебилов, но это в данном случае не играет, по сути, никакой роли; 2) эстрогены могут влиять на притупление

любопытности, но вряд ли способны вызвать уменьшение объема черепа, что как раз и имеет место у женщин; 3) небольшой, но все же, в общем-то, заметный нонконформизм наблюдается в поведении мальчиков практически с раннего детства; а, как мы уже об этом неоднократно говорили, такого рода поведенческая реакция при адекватных воспитательных мерах воздействия является как раз достаточным условием для созревания нонконформного, или выражаясь проще, нестандартного мышления – важнейшей предпосылки подлинно творческого научного поиска. Девочки же, напротив, уже с первых лет жизни, как известно, не очень-то сильно самодеятельничают, а в большинстве своем стараются чаще прислушиваться к мнению старших.

Таким образом, единственной верной причиной анатомо-функционального недоразвития высших отделов центральной нервной системы у женщин следует считать исключительно лишь фатально неизбежную 2-иксовость женского кариотипа. Ведь именно данным обстоятельством как раз, пожалуй, и можно пояснить избыточное метилирование в мозгу столь нужных и полезных генов, отвечающих за глубину и разветвленность логических операций.

С какого возраста лучше всего прививать детям любовь к философии в специализированных элитных классах или школах?

Готовить будущих философов целесообразней всего где-то примерно с 11-летнего возраста. Более-менее допустимый в этом плане возрастной диапазон может быть, впрочем, и шире – от 10-ти до 15-ти лет. Перед самым обучением желательно провести нечто наподобие скрининга, так как толк от подобной целенаправленной траты времени и ресурсов можно с достаточной степенью уверенности прогнозировать лишь в отношении тех детей, которые самостоятельно без чьего-либо наущения пытаются ставить и решать важные для себя философские проблемы в возрасте 5-6 лет, во всяком случае, не позже. Этот переломный период следует считать как бы специфической, маркерной вехой в

интеллектуальном развитии того или иного ребенка. Кроме того, на предварительном этапе, то есть в процессе вышеупомянутого дифференцированного набора, можно провести также комплексное логико-психологическое тестирование приступающих к учебе детей, однако его результаты применительно к рассматриваемо здесь возрастной категории не следует сильно переоценивать в плане перспективного прогнозирования успехов данного ребенка в конкретно интересующей нас отрасли знания. В конце концов, если учащийся действительно талантлив, то со временем он сам определится, к какой именно области науки его больше всего тянет, а год-два специализированного обучения в школе юных философов в любом случае не подут для него насмарку. Соответствующему целенаправленному элитному обучению подлежат только мальчики, ввиду того, что представительницы противоположного пола не способны усваивать, а тем более творчески развивать основные философские истины. Однако справедливости ради стоит все же отметить, что и среди последних есть одна крайне незначительная прослойка, отличающаяся весьма незаурядными интеллектуальными способностями. Речь идет о так называемых безволосых девушках, которых можно привлекать к совместным с мальчиками урокам философии в порядке исключения – естественно, при наличии у них собственной мотивации по этому поводу. Для безволосых девушек вышеуказанные возрастные рамки в силу устоявшихся в обществе тенденциозно-негативных полоролевых факторов, заметно тормозящих их полноценное интеллектуальное развитие, сдвигаются, а посему не должны на практике каким-то существенным образом учитываться вовсе.

Хотя, если уж говорить откровенно, все приведенные здесь авторские рекомендации могут быть реализованы разве что в некой отдаленной перспективе, ибо сейчас никто из правительственных чиновников, отвечающих за наш педагогический сектор, всерьез этим заниматься не станет.

Существует ли взаимосвязь между человеческим умом и красотой?

Корреляция между внешностью и интеллектом на генетической основе, т.е. без учета приобретаемых в процессе жизни различного рода косметических изъянов, осуществляется по единой незыблемой формуле, которая совершенно однозначно гласит: "Все глупцы - уродливы". Это правило не имеет обратной силы, не экстраполируется на фенотип и не зависит от половой принадлежности человека.

У любого интеллектуально одаренного индивидуума, так или иначе, обязательно должна быть на высоте хотя бы одна из имманентных составляющих человеческого мышления: 1) логика; 2) интуиция /скрытая логика/; 3) способность к нестандартным рассуждениям. Тогда как наблюдательность, любознательность или же сами способы рассудочной деятельности /образный, вербальный, знаковый и др./ не имеют уже сюда прямого касательства. Наблюдательность является желательным, но с формально-логических позиций далеко не достаточным атрибутом зрелого мышления; любознательность представляет собой просто некий когнитивный показатель его напряженности, но для получения высокого итогового результата необходимы, понятно, и другие слагаемые; выбор между образностью и вербальностью зависит больше от специфической полушарности, так что вовсе не коррелирует с силой мышления. Ну и, наконец, такая отнюдь не маловажная характеристика, как умение вовремя сосредоточиться и проявить должное внимание к поставленной задаче, органически входит в структуру первого пункта, т.е. определяет отчетливость сознательно продуцируемых рассуждений.

Способность мыслить нестандартно присуща только мужчинам. Гении данного свойства отличаются, как правило, необычной, зачастую даже отталкивающей внешностью и таким же своеобразным характером. В силу указанных причин среди представительниц слабого пола не встречается в повседневной практике генотипически уродливых индивидов, которые бы могли блистать недюжинными умственными способностями: ведь сильная логика (как в скрытой, так и в явной своей ипостаси) коррелирует с нормальной и даже, можно сказать, хорошей генотипической внешностью.

Но тем не менее все же для женщин красота является отвлекающим фактором. В частности, давно, например, подмечено, что среди контингента глубоко верующих

крайне мало представительниц слабого пола, которые бы отличались привлекательной внешностью. А те считанные единицы, что иногда все же попадаются на глаза, - все практически из потомственно религиозных семей, т.е. по сути, насильно вовлечены в эти круги. Сознательно же дорогу к богу выбирают те, для кого закрыта дорога к мужчинам. Примерно то же самое можно сказать и о занятиях наукой. Красивые девушки без комплексов в науку не идут, а замкнутых, болезненных, пессимистически настроенных среди симпатичных не так уж и много. Правда, справедливости ради следует сказать, что именно благодаря своей непонятливой для окружающих скрупулезности, усидчивости, прилежности они и достигают кое-каких успехов на интеллектуальном поприще - при фактическом, казалось бы, отсутствии внутренней заинтересованности в изучаемом предмете.

Однако значительно более интересным фактом, достойным подлинного удивления, является то, что среди красавцев мужского пола также практически не наблюдалось выдающихся личностей. Всё, что приходит по этому поводу на память, буквально уместается в пределах пальцев одной руки: Алкивиад, Галуа, Лобачевский, Шеллинг, Тархан-Моурави... Причем идентичную с женщинами трактовку данного феномена выдвигать тут вряд ли, конечно же, было бы уместно - как из-за отсутствия самой мотивации нравиться кому-то, так и в силу совершенно различных критериев при определении степени врожденной умственной одаренности и таланта у рассматриваемых здесь гендерных групп. Остается реально предположить только одно - что мышление (будь оно даже сколь угодно развитым) не является, во-первых, эволюционно доминирующим фактором; ну или же - как вариант, - должно быть хотя бы направлено на какую-то сугубо практическую сферу повседневной жизни, т.е. в большей мере смахивать на хитрость и находчивость, нежели на бесплодное абстрагирование и всякое иное похожее на него "разведение философии".

Заметим, к слову, что подобный авторский вывод несколько не противоречит озвученной уже чуть раньше идее о неизбежном приоритете диктатуры разума, так как эстетическая притягательность красивой внешности апеллирует, по сути, только к естественному отбору; актуальность же последнего давно уже подупала в человеческом обществе. Ведь в сравнительно недалеком будущем нужных людей вообще станут создавать методами молекулярной биологии и генной инженерии, а заправилы мира сего, как их уже и сейчас описывают многие фантасты, будут весьма дисгармоничны и даже уродливы по своей внешности и телосложению. Что же касается роботов, то им вся наша возвышенная

человеческая эстетика – как слепому кроту ночной звездопад или таёжному глухарю – шепот морских волн: они их не видят, не слышат и не способны понять.

Могут ли различные структуры мозга проявлять друг к другу антагонистическое отношение?

О примерах врожденного антагонизма применительно к сугубо врачебной практике говорить как-то не приходится, так как тот или иной наблюдаемый пациент во всех обозримых случаях уже с младенчества выступает как нечто раз и навсегда данное и к тому же органически, казалось бы, целое. В этой связи буквально лишь совсем недавно начали писать о межполушарной диссоциации, когда Хозяин с Квартирантом резко расходятся по своим внутренним качествам, но волей судьбы вынуждены все же терпеть друг друга. Естественно, чаще всего эта ось раздоров тем или иным образом связана с принципиальным поведенческим противопоставлением "эгоизм - альтруизм". Подобные диссоцианты в жизни, как правило, большие неудачники, поскольку чуть ли не во всех своих начинаниях проявляют крайнюю нерешительность. Да и как, собственно, быть решительным, когда разум твердит одно, а "внутренний голос" /*т.е. Квартирант*/ - совершенно противоположное?! В подавляющем большинстве случаев к "внутреннему голосу" стараются, впрочем, не прислушиваться; но тогда в минуты забытья, расслабления, сна этих бедолаг то и дело мучают тяжелые угрызения совести.

Люди, страдающие межполушарной диссоциацией, редко могут похвастать хорошим стабильным здоровьем – и причем как в психическом, так и в чисто соматическом плане. В толпе их легко бывает отличить по сильно выраженной асимметрии основных черт лица сугубо функционального /*т.е. не травматического*/ генезиса; а практикующие хироманты акцентируют, в свою очередь, внимание исследователей на характерных особенностях ладонных узоров, со статистическим постоянством замечаемых только у данной категории клиентов.

Какие составные компоненты можно выделить в научном и художественном творчестве?

Как то, так и другое вряд ли на практике реализуемо без надлежащего предпосылочного фундамента. В первом случае это качественная мозговая цитоархитектоника, обуславливающая ясность, глубину и масштабность

мышления; во втором – хорошо развитое эстетическое чувство. Но всё же основная инстинктивная база для обоих видов творчества, по существу, едина: это стремление к новому, или, как его еще образно называют, творческая искорка, огонек, беспокойство духа. У женщин вышеуказанный инстинкт если и присутствует, то в некой разве что зачаточной форме.

ПРОБЛЕМЫ АНОМАЛИСТИКИ

Равноценны ли по своей значимости различные магические приговоры, нашептывания, заклинания и, с другой стороны, соответствующие магические действия, как правило, сопровождающие их?

Мысль, выраженная вслух или даже неизреченная, вне всякого сомнения, играет намного более важную роль по сравнению с разного рода достаточно стандартными колдовскими манипуляциями - такими, как, допустим, сжигание волос, перекрестное смешивание вина в кубках /иногда при этом с добавлением нескольких капель крови непосредственных участников данного сеанса/ и т.д. Последние направлены в основном на то, чтоб заморозить зрительскую публику, приведя её в особое восторженно-экстатическое состояние, - с отключением функций Критикана. В свою очередь, такие специальные приемы, как верчение факира на одном месте, звуковая и респираторная гипернагрузка, длительная сосредоточенность на ярком блестящем предмете, помогают войти в необходимую для совершения таинства кондицию главным образом самому уже колдуну. Но в любом случае на первом месте, - что мы, в общем-то, и подчеркивали в самом начале - обязательно идет мысль, сопровождаемая также подспудно и неким вполне осознанным волевым усилием!

Действительно ли спириты способны вступать в контакт с духами давно умерших исторических личностей?

Для проверки чистоты и порядочности оккультных священнодействий надо прежде всего закрыть глаза и, слушая кодированные стуки ответов на

поставленные духу вопросы, попытаться локализовать в пространстве сам источник звука. Если у всех приглашенных участников спиритического застолья он будет идти справа, то налицо вполне очевидный обман, связанный с обычным суггестивным воздействием, которое де-факто основывается на насильственном проникновении медиума в правополушарную психику присутствующих на сеансе.

Как уже неоднократно подчеркивалось, автор категорически не приемлет всяческих модных нынче идей о сколь угодно долгом существовании посмертных человеческих «слепков». Более того, под вопросом – увы - остается пока даже и сама процедура (особенно если придерживаться тут вполне естественных аналогий со слабым ядерным взаимодействием) терминального отделения их от тела.

Таким образом, наиболее последовательной в связи со всем вышеизложенным можно считать следующую версию о структуре загробного мира (принимая, разумеется, лишь в случае подтверждения чистоты спиритических экспериментов): хотя бы в одном из Соседей почти всех живущих ныне людей обязательно присутствует вириссимус, способный представлять в будущем покойника как цельного индивида, т.е. так или иначе несущий какую-то общую информацию о прекогнитивной (без абстракций и прочих «высоких материй») деятельности не только Хозяина, но и Квартиранта.

Почему Нострадамус имел обыкновение придавать своим знаменитым пророчествам отчетливую стихотворную форму?

Нострадамус сочинял свои катрены исключительно лишь после полуночи - в моменты естественной для этой поры функциональной блокировки Критикана. А в таком полудремотном состоянии все остатки заторможенного мышления при спонтанном словотворчестве могут быть направлены разве что на поддержание соответствующей формы, ритма и мелоса, тогда как сам уже по себе потайной смысл привносится тут обычно извне. Вот почему с весомой долей уверенности можно утверждать, что пиши француз прозой – результаты были бы не столь впечатляющи.

А впрочем, если уж до конца разобраться, в этакой своей принципиальной дуэли с Иоанном Богословом он по силе пророческого духа весьма заметно

всё же ему уступает. И хотя, в общем-то, конкретно-событийная сторона прогнозов считается относительно слабым местом у обоих, но всё-таки Иоанн в своих эвфемизмах придерживается, как-никак, определенной хронологической веховости ("Третий ангел вострубил", "пятый", "седьмой" и т.д.) - в отличие от абсолютно безвременных и аморфных в этом плане провансальских катренов.

Несомненно, самой примечательной и существенной для нас фазой новозаветных откровений является Армагеддон, который по всем расчетам должен наступить уже, как говорится, со дня на день. Смутной эпохе на стыке тысячелетий, предваряющей долгожданный приход на Землю истинного мессии, посвящена, по сути дела, половина указанного евангельского текста; в связи с чем только по реальному прошествии этого отрезка времени можно уже, пожалуй, более-менее объективно судить о степени пророческого дара Иоанна Богослова. Что же касается пресловутых "Центурий», то при отсутствии хронологической шкалы (которая, судя по всему, так никогда, увы, и не будет определена) они вряд ли удостоятся сколь-нибудь серьезного внимания со стороны трезвомыслящих ученых.

Вообще же надо отметить, что по сравнению с другими загадочными феноменами, как то: полтергейст, левитация, телепатия, кожное зрение, лозоходство и т.п. - проскопия не обладает необходимой в таких случаях доказательной базой и поэтому в действительности признаётся, прямо скажем, немногими.

Все ли люди получают после своей кончины представительство в мире ином?

Независимо от того, какую из двух приемлемых здесь гипотез: об интеграции человеческого геномов с посланцами иных цивилизаций или вириссимальную - мы возьмем на вооружение, в обоих случаях можно процентов на 90 гарантировать, что в гости к чудаковатым зеленым «шрекам», ну или, соответственно, к летающим змеям-вириссимусам после своей смерти попадет далеко не каждый. Сама же по себе вышеуказанная дилемма на практике решается довольно простым путем: достоверно доказанное наличие в растительно-животной среде уникальных по своим свойствам особей, способных к тауматургии, сразу же, можно сказать, снимает с повестки дня вопрос об инопланетянах.

А в принципе загробное царство - это как-то фантомный блеклый мираж, мало доступный нашему пониманию. К тому же сам по себе факт нахождения в нём не осознается тем или иным конкретно взятым субъектом; однако от такого "данайского подарочка" можно избавиться, если заранее позаботиться об этом. Впрочем, как уже указывалось, автор всё же склонен считать, что посмертные микролептонные образы и так неминуемо со временем рассеиваются. Хотя решающая роль в обосновании соответствующей концепции - за представителями точных наук (и прежде всего – физиками и нанотехнологами).

ПОДЛИННО ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Всегда ли будут сохранять свою актуальность столь привычные для нас нравственные нормы при регулировании различных аспектов общественного мироустройства?

В повседневном укладе жизни наших далеких потомков будут господствовать утилитарно-прагматические веяния. Эта тенденция должна, по идее, захватить почти все сферы общественного бытия, наложив также свой весьма заметный отпечаток и на характер эстетического восприятия окружающего. Что же касается морали, то где-где, а уж здесь-то прагматизм здравого смысла станет процветать, попросту говоря, повсюду, особенно бесцеремонно действуя за пределами внутриэлитарных контактов. Так, скажем, со стопроцентной уверенностью можно прогнозировать довольно-таки скорое вхождение в эру гиперпатриархата (когда женщин не будут уже фактически считать за людей). Как, впрочем, и частичный возврат к древним каннибалистским традициям. Причем речь тут идет как о живых (т.е. социально отработанных и уже никому не нужных) элементах общества, так и об умерших в результате несчастного случая. Хотя, что касается использования их в качестве дополнительного источника калорий, то это

может быть рентабельно, пожалуй, лишь для кормёжки обездоленных и лишенных особого выбора рабов-изгоев. Ну и, кроме того, каннибализм станет также и неотъемлемым атрибутом изрядно устрашающих публику карательных экзекуций. Да и вообще от пенитенциарной системы грядущего следует ожидать много чего интересного и даже подчас шокирующего. Однако по некоторым соображениям автор пока воздержится от дальнейших прогнозов в данной области (никак к тому же не связанной с тематикой вынесенного здесь в заголовок вопроса).

Итак, если теперь обратиться мысленным взором еще дальше за горизонт — к робото-киборговой цивилизации, то перед нами откроется еще более странная и удивительная картина полной атрофии многих столь обыденных прежде социальных устоев. Возьмем для пущей иллюстративности сказанного наиболее простой пример. Красота роботам, как известно, абсолютно ни к чему. Они ее не способны ощущать и поэтому не признают в принципе. В такой ситуации даже сами по себе понятия "эстетический подход", "прекрасное", "безобразное" станут для той поры настолько уж, видимо, анахроничными, что и на родном для них языке алгоритмов вряд ли смогут быть адекватно восприняты.

Какова в общих чертах принципиальная схема выбора «я» у систем различных рангов и уровней?

Объясняя механизм выделения "я" в тех или иных эволюционно развивающихся системах, легче всего было бы, пожалуй, ограничиться ссылками на пригожинскую идею самоорганизации неравновесных материальных конгломератов. Однако отвечая все-таки на поставленный вопрос по существу, мы обязательно, конечно же, должны указать тут конкретную первопричину подобного выбора, обозначив заодно при этом и сам по себе алгоритм ауто-идентификации будущего главного командного пункта. Таким образом, в конечном итоге выясняется, что на практике здесь возможен лишь один из двух взаимоисключающих вариантов: либо это происходит ситуативно, либо же идентификация той или иной субъективности с «я» заложена в ней всё ж таки а

priori - за счет, допустим, более сильной энергетики, хорошо развитых вожацких наклонностей и т.п. Причем последнее характерно в основном для разного рода социальных ячеек (или же - в авторской терминологии - мезохолов).

Один из гипотетических вариантов ситуативного выбора "я" был рассмотрен нами на примере внутриутробного онтогенеза человека. Однако здесь следует подчеркнуть, что данные современной психиатрии не дают реального повода для каких бы то ни было категоричных утверждений в этом плане. Ведь достоверно убедиться в том, что тот или иной индивид лишь постольку является крайне слабавольным, соматически хилым или даже душевно больным, поскольку в место пересечения нервных путей таламуса попала ослабленная клетка, можно воочию только при посмертном вскрытии. Но - будем откровенны - у патологоанатомов до таких прецизионных исследований руки пока что явно не доходят.

Наполнена ль хоть каким-нибудь содержательным смыслом поюсторонняя суетная жизнь человека либо, скажем, работа?

Согласно имеющимся на сегодняшний день научным данным, первая часть вопроса предполагает, к сожалению, пока лишь сугубо отрицательный ответ. Бессмысленность индивидуальной жизни с точки зрения индивидуального разума вытекает, в частности, из неминуемого прерывания любых силлогистических цепочек, состоящих из ряда последовательных подвопросов "Для чего... /жить, работать, делать то или другое и т.д./?" Если отбросить удовлетворение инстинктов, которым ведает обыденное мышление (или в терминологии немецкой философской школы - рассудок), то все сколь-нибудь возвышающиеся над плотским "modus vivendi" запросы разума теряют свой смысл из-за конечности человеческого бытия.

А вот уже существование роботов, являющихся не столько последователями самого человека, как именно преемниками человеческого разума, имеет вполне конкретный практический резон и в этом плане кардинально отличается от нашего.

Чья условная модель будущего государства представляется более совершенной и правильной: Демокрита или Платона?

С точки зрения логики и та модель хороша, и другая, так как обе они потенциально действующие. Автор в свое время даже разработал необходимую доказательную базу, основанную на конкретных примерах запуска этих моделей в различные исторические эпохи при разных формах правления /демократической и тоталитарной/. Но платоновская модель нетривиальна, к тому же более прогрессивна с точки зрения эволюции земного социума. Поэтому именно Платона, на наш взгляд, вполне резонно тут было бы считать подлинным основоположником всех столь модных и востребованных нынче философских дисциплин, исследующих развитие государства и планетарного сообщества в целом.

Хотя, по правде говоря, не секрет, что любое социологическое учение, как бы его кое-кто ни старался нам превознести, все ж таки на несколько порядков проще, чем, скажем, онтология, гносеология или даже натурфилософия. Ну и, кроме того, глобальные пути развития современной цивилизации довольно легко прогнозируемы. Все это связано с тем, что государства являются новыми и потому эволюционно слабо развитыми структурными единицами по сравнению с другими естественными природными образованиями. Да и они к тому же более доступны для наших повседневных житейских наблюдений. Если бы над социально ненужными людьми разрешили проводить целенаправленные опыты, возможно, философская атропология заняла бы это иерархическое место; а то эксперименты, проводящиеся над тем или иным государством, у нас можно наблюдать чаще, нежели над отдельными его индивидами.

Возможно ли самоуничтожение человеческой либо даже киборговой цивилизации в силу осознания ими бессмысленности своего бытия?

Такой вариант крайне маловероятен. На вопрос «Для чего ты живешь?» человек или хотя бы тот же киборг из общества будущего скажут: «Чтобы получать удовольствие». На аналогичный вопрос «Зачем ты существуешь?» робот,

даже если при этом вокруг не останется ни одного привычного для нас человека, ответит: «Пока есть не познанные наукой проблемы, я должен существовать; ибо соответствующие поисковые действия заложены в моей программе».

Надо, однако, отметить, что чисто роботное общество вряд ли целесообразно создавать. Ведь при перекрестном взаимоконтроле возникновение и накопление ошибок будет сведено к минимуму, и роботы как непосредственные представители зрелого разума должны, по идее, это понимать.

Что же касается конкретно поставленного здесь вопроса, то приходится все-таки резюмировать, что исчерпав весь круг проблем (сам, правда, по себе этот фактор принимается в данном случае условно), роботная цивилизация волей-неволей вынуждена так будет зачихнуть. Но это, конечно, с точки зрения наших допотопных представлений о возможностях механизмов будущего.

Отводится ли в новой авторской парадигме какая-то определенная конкретная роль богу?

Как уже указывалось, допущение доминирующего божественного "Я" (если, разумеется, само понятие бога толковать в сугубо научном смысле) ближе всего соприкасается с признанием системно-периферийной ориентации доступного нашим чувствам вселенского сектора - относительно основных законополагающих структур космического мироздания в целом. Для грядущих судеб науки это, конечно, весьма малопривлекательный вариант, поэтому принимать его необходимо лишь в крайнем случае; а лучше всего просто где-то иметь себе в виду, что такое тоже в принципе не исключено, но при этом преждевременно всё же не очень-то поддаваться подобного рода капитулянтским умонастроениям.

Кстати, если вдуматься, то подобная концепция на практике отнюдь не противоречит развиваемой нами идее антропогеоцентризма; причём - что тут особенно актуально - как в узком, так и в широком смысле. Ибо, во-первых, сама философская суть периферийности вовсе не замыкается в жестких рамках обыденного трёхмерного пространства; а во-вторых, очеловеченная Земля, в свою очередь, тоже отнюдь не претендует (согласно авторской трактовке) на некое почетное звание «пупа Вселенной», а всего лишь случайно оказалась невдалеке от ее центра.

Вообще же на существование постулируемого таким образом бога могли бы, собственно говоря, указать два конкретных фактора:

1) *Констатация наличия над нами довлеющей астрологической зависимости.*

2) *Отсутствие у человека настоящей (т.е. ничем априори не обусловленной) свободной воли.*

Причём именно оно-то как раз и способно сыграть первозначимую, судя по всему, роль в разрешении этой важной для всех дилеммы.

Куда, на какие именно прогрессивные области знания должны быть нацелены взгляды учёных, бьющихся над разгадкой сокровенных тайн природы?

Согласно закону перемежающегося подобия, казалось, логично было бы допустить, что основными сферами приложения для пытливого философского взора являются преимущественно ядерная физика и генетика. И вправду - жизнь элементарных частиц действительно, как будто бы, несоизмеримо проще нашей, так что здесь, мол, осталось лишь, адекватно применяя вышеупомянутый закон, чётко и вовремя обнаруживать при этом те или иные вполне очевидные аналогии.

Но всё дело в том, что на указанном этапе за счет усугубления факторов двойственности (а, возможно, даже тройственности и т.д.) истины, занимающих в привычном «очеловеченном» мире всего лишь краевые и, в сущности, малозначимые для нас позиции, неминуемо усиливается момент парциального агностицизма, а вместе с ним и соответствующая доля издержек научного производства.

Вот почему главные исследовательские приоритеты было бы сейчас гораздо уже целесообразней перенести на такие ничуть, пожалуй, не менее важные и востребованные нынче отрасли передовой современной науки, как практическая космонавтика (но именно пилотируемая живьём, а не с бездушными роботами внутри), системная биология, экспериментальная нейрохирургия, ну и, конечно же, аномалистика (fringe science).

Что нового и не вполне обычного для нас можно с позиций научного прогнозирования ожидать от грядущих общественно-экономических формаций?

Уклад жизни в обществе будущего по идее должен быть основан на приоритетном принципе диктатуры разума. Это означает, что более умные люди будут иметь гарантированное им законом преимущества во всех сферах жизни. Не исключено, что в элитных кругах такой же примерно будет и мораль, т.е. иными словами, стоящие ниже даже в мыслях не станут считать себя в чем-то ущемленными ввиду осознания своей недостаточно высокой интеллектуальности. При этом сам процесс определения «кто умнее» только с виду кажется таким не совсем аргументированным занятием: ибо к тому времени, когда он станет жизненно важным и актуальным, люди наверняка сумеют уже подобрать нужные критерии объективности. Плюс ко всему наиболее одаренных светочей науки, как, впрочем, и красивых девочек, судя по всему, будут просто-напросто клонировать. Диктатура разума останется основополагающим фактором также и в дальнейшем: при футуроидах, киборгах, роботах и даже на инопланетных опытных станциях.

P.S. Но, к сожалению, на сегодняшний день у нас, как и у большинства прогрессивных учёных-гуманитариев, нет полной уверенности в том, что описанное тут идеальное человеческое общество придет именно на смену нынешнему; т.е в данном случае вполне возможен и неопосредованный скачок: вместо двух идущих по времени друг за другом революций – одна перманентная робото-технологическая.

Какая мировоззренческая концепция больше других соответствует истинным окружающим нас реалиям: детерминистская, индетерминистская или фаталистическая?

Общий ход событий при полном соблюдении лапласовского детерминизма абсолютно ничем не отличается от такового при фаталистическом мироустройстве. Разве что в последнем случае подразумевается какая-то конкретная перспективная цель, неведомая рядовым исполнителям всего этого развертывающегося "шоу", тогда как в первом уже равным счетом никто не знает, чем оно

закончится. Однако обе эти концепции так или иначе представляют уже ныне интерес разве что, пожалуй, лишь для узкого круга эпистемологов, ибо все имеющиеся на сегодняшний день научные факты непреложно свидетельствуют в пользу релятивистского индетерминизма. Причем здесь на подтверждение работают не только хорошо знакомые нам из квантовой механики дискретно-волновые парадоксы, но и некоторые чисто психологические феномены, тоже играющие отнюдь не маловажную роль в современном естествознании. А самый характерный в данном случае пример – широта и поистине впечатляющая гибкость сложнейших форм познавательной сферы деятельности, базирующейся, как известно, на куда более универсальном монадно-корпускулярном субстрате (по сравнению, скажем, с относительно уже архаичными инстинктами).

Можно ли отнести умение порождать себе подобных к числу обязательных атрибутов жизни или даже самого эволюционного процесса как такового?

Умение долгоживущих нейтронов умножаться после своего распада аналогично двухцепочечным молекулам ДНК никем из исследователей пока не отмечалось. Однако у всех у нас перед глазами другая общеизвестная модель «бесплодной», но вместе с тем заведомо прогрессирующей системы – лемовский Солярис. Так что этот компонент жизни (либо, допустим, даже эволюции как совокупного философского понятия, наполненного всё ж таки несравненно большим научным смыслом), без особого ущерба можно заменить на достаточно продолжительное по вселенским масштабам самосуществование. Но кроме указанных тут альтернативных по своей сути факторов, имеется еще один чрезвычайно важный и на сей раз уже незаменимый: это, конечно же, не что иное, как долговременная память!

Является ли конвенциональное признание основополагающего принципа причинности прерогативным по отношению к подобному же рода признанию реальности пространства и времени?

Общеизвестно, что там, где нет пространства и времени, не может быть и причинности, ибо в самом фундаменте последней лежит элементарный акт

взаимодействия. В то же время на аналогичный, но при этом зеркально противоположный вопрос: а могут ли в нашем привычном мире иметь место нарушения данного основополагающего начала без каких-либо спонтанных "перекосов" пространственно-временных координат - нельзя пока с достаточной на то уверенностью ответить ни "да", ни "нет". В связи с этим мы и не можем поставить, увы, знак равенства между вышеупомянутыми факторами.

Однако если перейти теперь к атрибутике трансцендентального бытия параллельных миров, то тут уж, пожалуй, вполне можно говорить об отсутствии - где в пограничном, а где и в абсолютно чистом виде - и причинности, и времени, и пространства. Причем то и дело соприкасаясь с поюсторонней реальностью, эти недетерминированные миры вызывают в свою очередь и у нас то ли психологическую, то ли действительно материализованную иллюзию внезапного исчезновения метрики (в одних случаях) или же времени (в других).

Человеческое, да и любое вообще мышление обязано своим существованием наличию в окружающей нас природе причинности. Весьма эффектный тезис о том, что инстрейф, разум, и тризмер потому и отличаются так резко друг от друга, что ведут свою родословную от разных элементарных частиц, хоть и выгладит, вообще говоря, чересчур уж метафорическим, но вместе с тем по своей внутренней сути достаточно близок к истине. Вот почему здесь вовсе не будет лишним (пускай даже где-то при этом и повторяясь) еще раз всё ж таки подчеркнуть: параллельные миры, создававшиеся из иных наборов частиц, не ведают ни причинности, ни какого бы то ни было мышления. Все свои кажущиеся нам разумными действия они осуществляют только за счет памяти - с опорой, естественно, на волю и эмоции. Что же касается вириссимусов и других n -юродных земных братьев, то каким-то своеобразным экзотическим мышлением, выполняющим чисто

утилитарные функции, они, надо полагать, всё же обладают. Это подтверждается и присутствием у вирусов собственных капсидных белков (заметно, кстати, отличающихся от наших).

Может ли бессмысленность индивидуального человеческого бытия каким-то образом свидетельствовать в пользу существования бога в сугубо научном терминологическом понимании последнего?

Человеческая жизнь бессмысленна лишь с точки зрения личностного "я" (а конкретней - даже не его самого, а разности между личностным и обыденным "я", т.е. с позиций зрелого разума).

Ведь если даже умнейшие из людей не могут сполна осознать своё предназначение, то естественно предположить, что все они попросту являются ничтожными винтиками и гайками глобальных мировых процессов, беспорядочно вращаясь в этом вихре подобно другим космическим пылинкам. Однако тут есть одна весьма серьезная заковыка. Дело в том, что абсурдность индивидуального бытия вовсе не тождественна импотенции разума, - в некотором роде, скорей, даже наоборот: ведь те же самые животные существуют себе, как известно, "ничтоже сумняшеся" - несмотря на столь же постылую и априори обреченную, как и у нас, жизнь. Так что из одной лишь вышеупомянутой бессмысленности отнюдь не следует периферийность человека со всем его духовно-материальным миром по отношению: к основным законополагающим структурам нашей системы.

Абсурдность индивидуальной жизни в некоторой степени как бы подтверждает старую идею Л.С.Берга относительно номогенеза, т.е. такой направленной эволюции, где человек по своему субъективному желанию изменить ничего уже не может. Однако в действительности подобные рассуждения, если уж до конца тут разобраться, также лишены твердой логической опоры.